

дорогу. Ёдетъ-ёдетъ, близко ли, далеко ли, а воробьи такъ и вьются надъ нимъ да все каркають. «Знать сестрицамъ поѣсть покушать охота, что такъ раскричались!» подумалъ дурачокъ; выставилъ блюдо съ ѣствами наземь и началъ подчивать: «сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье.» А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ёдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. «Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнуть сердечные!» Взялъ-понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. «Знать безъ соли не хочетъ!» и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. «Что-жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?» Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ на повалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понёсъ. Идетъ; ложки назадъ такъ и брякають: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: Иванушко дуракъ!» бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: «вотъ вамъ Иванушко дуракъ! вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Еще вздумали дразнить негодныя!» Воротился домой и говоритъ братьямъ: «все искупилъ, братики!» — Спасибо, дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закупки-то? «А столъ-отъ бѣжить, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то поиво лошади посолили, а ложки дразнятся—такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ.» — Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ нней корчаги, повишибалъ дпища и надѣлъ на батоги корчаги съ дюжину—всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а ду-

рака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. «Пиво, не броди! дурака не дразни!» говорятъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушаетъ, взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разѣзжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Приѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушка— зашили въ кулъ и потащили къ рѣкѣ. Положили кулъ на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричать: «садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить ни рядить не умѣю!»—Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и судить, и рядить; вылезай изъ куля! Иванушко вылезъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили кулъ подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. «Знать бурка ловить!» проговорили братья и побрели домой. На встрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: «вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко—такой славной!» Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: зашивай теперь насъ въ кулъ да спускай поскорѣй въ прорубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко...» Опустилъ ихъ Иванушко-дурачекъ въ прорубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушка колодезь, въ колодезѣ рыба елець, а моей сказкѣ конецъ.

Записано въ Кадниковѣ М. Перавиннымъ.

Про волдянку бияночку.

Жилъ былъ старикъ да старуха, а дѣтей у нихъ не было. Пошли старикъ да старуха въ лѣсъ по грибы и нашли тамъ волдянку биянку, принесли домой, положили въ горшечекъ и закрыли волошкомъ. Черезъ часъ вдругъ въ горшечекъ подъ волохомъ заговорило: дѣдушка да бабушка, откройте! Открыли, а тамъ—дѣвушка—Аннушка.

Вототка живетъ Аннушка и растетъ не по годамъ, а по часамъ, въ сутки, въ двое ужъ большая выросла. Пошли дѣвки въ лѣсъ по грибы и стали упрашивать, чтобы отпустили съ ними и Аннушку. А дѣдушка да бабушка говорятъ: куды! какъ да заблудитесь!—Нѣтъ, не заблудимся, опустите. И опустили Аннушку.—Шли они да и заблудились

эти дѣвицы и пришли къ еги-бабиной избушкѣ. Еги-баба и закричала: фу, фу, фу! русскій духъ: слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, самъ нѣ домъ пришелъ, съѣмъ, гть, теперь!—А дѣвки и говорятъ: ой ты баушеньки! ты бы на-кормила да напоила, втожно-бы и ѣла!—Еги-баба затопила печь, заварила завару и давай дѣвокъ кормить. Иныя дѣвки ѣдятъ, да въ пазушку кладутъ, а Анна все ѣла спрѣста дѣ чиста. Отѣѣли, еги-баба и говоритъ: подайте мою завару! Всѣ подали завару, а Аннушкѣ и нечего отдѣть. Еги-баба отпустила дѣвокъ домой, а Анну оставила у себя. Пришли дѣвицы домой и сказали, что еги-баба не отпускаетъ Аннушку. Затужили старикъ да старуха, да дѣлать нечего, не воротись.

А еги-баба подала Аннушкѣ лошадыя копыто, да и говоритъ: ищи въ головѣ да приговаривай. Та и стала пскать въ головѣ да приговаривать: спи глазокъ, спи другой, спи ушко, спи другое, спи ручка, спи другая, спи ножка, спи другая! Еги баба и уснула, а дѣвица вышла на крыльцо да и плачетъ.

Вдругъ бѣжить стадо коней.—О чемъ красная дѣвица плачешь? Да вотъ еги баба домой не отпускаетъ.—Садись на меня да держись за уши, такъ я тебя домой доведу.

Дѣвица только съѣла, а еги-баба и завозилась. Видить, что дѣло не ладно, съѣла въ ступу и погналась за Аннушкой. Только бы схватить, а лошадь и сунулась къ старику на новить. А старикъ былъ тутъ и съ ружьемъ; собрался идти въ лѣсъ искать Аннушку. Увидалъ онъ сперва коня съ дѣвицей, потомъ еги-бабу въ ступѣ съ помеломъ и выстрѣлилъ въ нее изъ ружья. Тутъ еги-баба и ноги протянула.

Закопали ее на задворье и палку на могилѣ поставили, а коня повели въ анбаръ къ овсу къ цѣльному сусѣку. Аннушка и старики и топере живутъ по прежнему, всего наживаются да Анну наряжаютъ, да взамужъ обѣщаютъ.

Котокъ золотой лобокъ.

Не въ которой большой деревнѣ жилъ старикъ со старухой близъ лѣсу въ худой избенкѣ. Разъ старуха и посылаетъ старика въ лѣсъ: ступай, говоритъ, старикъ, наруби дровъ, я хоть печку истоплю да каши наварю. Взялъ старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ дрова рубить. Подходить къ пню, только ударилъ по нему топоромъ, какъ выскочилъ котокъ золотой лобокъ и крикнулъ: меня кота будишь, мнѣ спать не даешь! что тебѣ, старикъ, падо?—Старикъ не зналъ что сказать, думалъ, думалъ, наконецъ и придумалъ: избенку падо-бы, избенка у насъ плоха стала...—Ступай домой, говоритъ котокъ, будетъ у васъ новая изба....

Приходитъ старикъ домой и видитъ: стоитъ большая новая изба. Вышла къ нему на встрѣчу старуха и говоритъ: домъ-то у насъ богатый, да дровецъ нѣтъ, поди, наруби дровъ. Пошелъ опять старикъ въ лѣсъ, стукнулъ топоромъ въ пенъ,

выскочилъ котокъ и говоритъ: меня котъ будишь, мнѣ спать не даешь! чего тебѣ, старикъ, надо?—Старуха дровецъ просить, сказалъ старикъ.—Хорошо, иди домой, будутъ у васъ дрова. Приходить старикъ домой и видитъ: около его дома цѣлые костры дровъ навалены. А старуха вышла изъ дому и говоритъ: всего-то у насъ много, только хлѣба нѣтъ, поѣсть нечего.

Взялъ опять-старикъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Стукнулъ топоромъ о пенъ... и т. д. чего тебѣ надо?—Муки старуха просить, ѣсть, говорить, нечего.—Хорошо, ступай домой, будетъ у васъ мука.—Приходить старикъ домой и видитъ: хлѣба полные амбары навалены. Вышла старуха и говоритъ старику: всего-то у насъ много, только сидѣть не на чемъ. Взялъ старикъ... и т. д. чего тебѣ надо?—Мебели просить старуха, сидѣть, говорить, не на чемъ.—Ступай съ Богомъ домой, будетъ у васъ и мебель —Приходить старикъ домой и видитъ: мебелью весь домъ установленъ. Старуха опять и говоритъ: всего-то у насъ много, только одѣжи нѣтъ, надѣть нечего.

(Котъ даетъ старику и старухѣ одежду. Тогда старуха заявляетъ желаніе сдѣлаться царицей, а чтобы старикъ былъ царемъ. И это исполняется. Наконецъ старуха посылаетъ мужа къ коту, чтобы тотъ сдѣлалъ ее Богородицей. На это котъ ничего не отвѣтилъ и ушелъ въ пенъ. Старикъ вернулся домой и вмѣсто дворца нашелъ прежнюю ветхую избенку и жену свою въ прежнемъ видѣ).

Записано мною лично въ Кадниковѣ.

Ивановъ цвѣтъ.

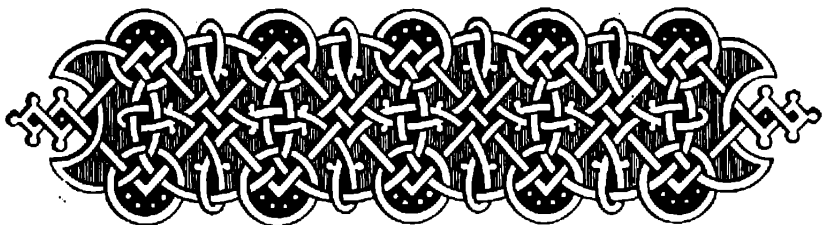
Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, не именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ въ одномъ городѣ богатый трактирщикъ, у котораго было много служащихъ, или какъ ихъ зовутъ—половыхъ. Однажды половые разговорились между собою о томъ, какъ можно сдѣлаться богатымъ и знатымъ. Одинъ и говоритъ: я знаю средство сдѣлаться богатымъ.—Что же ты не испытываешь его, коли знаешь? спрашиваютъ другіе.—Боюсь, опасно.—По крайней мѣрѣ Расскажи намъ, въ чемъ это дѣло заключается.—Нужно, говоритъ, достать Ивановъ цвѣтъ, т. е. цвѣтокъ папоротника, который разцвѣтаетъ только въ почъ на Ивановъ день. Кто этотъ цвѣтокъ добудетъ, отъ того никакой кладъ не укроется и онъ можетъ все сдѣлать, что захочетъ.—Ладно, попробуемъ! сказалъ одинъ изъ половыхъ по имени Сидорка.

И вотъ, когда настала канунъ Иванова дня, поздно вечеромъ, Сидорка отправился въ лѣсъ къ знакомому кусту папоротника. Въ полночь онъ увидѣлъ, что на папоротникѣ разцвѣлъ цвѣтокъ. Сидорка сорвалъ его и побѣжалъ домой. И вдругъ онъ видитъ большой огненный шаръ катится ему прямо подъ ноги. Сидорка понялъ, что это дьявольское навожденіе и закричалъ: чуръ меня! Шаръ тотчасъ же пропалъ. Пошелъ онъ дальше. Долго шелъ, наконецъ увидалъ вдали огонекъ. Пошелъ на огонекъ и подошелъ къ избушкѣ. Заглянулъ въ нее и видитъ на печи лежить старый-престарый старикъ. И говоритъ ему старикъ: тебѣ одному не справиться съ Ивановымъ цвѣткомъ, я тебѣ помогу въ этомъ. Слѣзъ старикъ съ печки, взялъ ножикъ и разрѣзалъ у Сидорки на ладони кожу, всунулъ подъ нее цвѣтокъ и въ ту же минуту заростилъ рану. Потомъ взялъ со стѣны сумочку, подалъ ему и сказалъ: городъ, въ которомъ ты живешь, окруженъ врагами и тебѣ, чтобы освободить его, стоитъ только сказать: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: ребята въ сумку!

Только, что это вымолвилъ старикъ, какъ Сидорка очутился у города. Городъ дѣйствительно былъ окруженъ неприятелемъ. Увидавши враговъ, Сидорка закричалъ: ранецъ, ранецъ, задай врагамъ танецъ! И вылѣзло изъ ранца войска видимо-невидимо, напало оно на враговъ и прогнало ихъ отъ города. Послѣ этого Сидорка былъ встрѣченъ царемъ съ большимъ почетомъ, произведенъ въ фельдмаршалы и находился при царѣ до самой его смерти.

Записано въ Вильскѣ.

Степанъ Богатый

Въ нѣкоторомъ царствѣ—государствѣ жилъ былъ Степанъ Богатый; не имѣлъ ни двора, ни кола, ни куриного пера. Только и зналъ, что шатался въ лѣсъ за грибами. Наваритъ, поѣсть и опять пойдетъ въ лѣсъ. Вотъ его лисичка *признала* и говорить: «что ты, Степанъ Богатый, не женишься?» — Да на комъ мнѣ, Лиса Васильевна, жениться? За меня никто не пойдетъ. — «Да женись; я тебѣ царскую дочь высватаю.» — За меня и крестьянская не пойдетъ. А хочешь, такъ посватай! — Черезъ долгое время нашла Лиса Васильевна копѣечку и побѣжала къ царю. «Ваше величество, пожалуйте мѣрки!» На что тебѣ? — Степану Богатому мѣды мѣрять. Царь далъ мѣрку. Мѣрка была съ щер-